

Обретение мощей священномученика Константина Богородского

Тридцать лет назад, в 1995 году, произошло важнейшее событие в жизни не только Московской епархии, но и всей Русской Православной Церкви: были обретены мощи священномученика Константина Голубева, пресвитера Богородского, одним из первых принявшего мученическую смерть в годы безбожного лихолетья. **Игумен Дамаскин (Орловский)**, под руководством которого происходило обретение мощей, рассказал «Журналу Московской Патриархии» об этом событии. Поделились воспоминаниями также **протоиерей Максим Максимов**, настоятель Казанского храма города Реутова, член Синодальной комиссии по канонизации святых, и **протоиерей Василий Извеков**, заштатный клирик Балашихинской епархии.

— В начале 1990-х годов началась реабилитация репрессированных по 58-й статье, в том числе священнослужителей и мирян, пострадавших в годы гонений. Их потомки получили доступ к судебно-следственным делам своих родственников. Охотно ли делились очевидцы гонений и их родственники своими воспоминаниями? Отец Дамаскин, расскажите, пожалуйста, о начале работы с архивными материалами, почему это было важно для вас и для всей Русской Церкви?

— Тринадцатого августа 1990 года был опубликован Указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920–50-х годов» (№ 556), и в частности духовенства и мирян, преследовавшихся по религиозным мотивам. В том же году начала работу Синодальная комиссия по изучению материалов, относящихся к реабилитации духовенства и мирян Русской Православной Церкви, репрессированных в советский период. Секретарем комиссии был назначен протоиерей Леонид Ролдугин († 2023). Он при встрече показал мне пришедшие в комиссию письма родственников и сразу же объяснил, что необходимо делать. Объем работы был немалый. Поскольку многие из тех, кто тогда писал в Синодальную комиссию, боялись напрямую обращаться в режимные ведомства по вопросу реабилитации своих родственников, даже за получением о них каких-либо дополнительных сведений, то пришлось это делать мне и в дополнение вести переписку с родственниками. Такая работа в комиссии, если ее вести добросовестно, была выше человеческих сил. Однако Господь помогал. Период собирания и анализа устных сведений о новых мучениках продолжался примерно пять лет. Комиссия способствовала тому, чтобы родственники, запросив соответствующие инстанции, могли ознакомиться с судебно-следственными делами или хотя бы получить подробные сведения о судьбе родных. Так, мы ходили вместе с Варварой Васильевной Чёрной, будущей игуменией Новодевичьего монастыря Серафимой († 1999), в архив Управления ФСБ РФ по городу Москве и Московской области знакомиться с судебно-следственным делом ее деда, священномученика Серафима (Чичагова), и она смогла впервые прочесть, о чем его спрашивали на допросах и что он отвечал.

Вскоре я встретился с Антониной Ефимовной Рахмилевич, дочерью протоиерея Евфимия Горячева, сообщившей ценные детали из жизни отца; встретился с Александром Федоровичем Колеровым, сыном протоиерея Феодора Колерова, расстрелянного в 1929 году; с внуком известного московского священника протоиерея Василия Соколова, расстрелянного в 1922 году по решению Политбюро ЦК ВКП(б), Василием Борисовичем Соколовым, и многими другими. Впоследствии эти пострадавшие во время гонений на Церковь священнослужители были прославлены в лике священномучеников. Подавляющее большинство свидетелей охотно рассказывали об исповедническом подвиге своих близких. Одновременно с опросом свидетелей в 1991 году я начал ознакомление с судебно-следственными делами. Двадцать третьего июня 1992 года с этих дел был снят гриф секрет-

Протоиерей
Константин
Голубев

*Богоявленский
собор Ногинска.
Фото Владимира
Васильева*

ности, и они стали доступны для изучения. Наблюдая иной раз, как люди читают материалы следствия о своих невинно пострадавших родственниках и как они болезненно это воспринимают, невольно возникает вопрос: стоит ли им знакомиться с ними, если столь сильны переживания? Ответ однозначный — стоит. И это даже необходимо, ведь для всех когда-нибудь откроется полная правда, и куда бóльшая, чем та, которая открывается в документах, написанных чернилами, ведь обнаружится правда, написанная на скрижалях сердца. Для меня работа с архивными документами и их анализ были огромной ответственностью перед Церковью, перед родственниками, перед теми, кто будет жить после нас, кто найдет нравственную опору в Церковном Предании, в житиях святых, близких к нам по времени. Никто не может теперь сказать, что у него нет в жизни положительного примера, нет того, к кому можно обратиться с молитвой. Для Русской Церкви это важно потому, что таким образом восстанавливалась ее история за последние почти сто лет и, что еще более важно, история ее святых и их исповеднического подвига. А для меня это было значимо потому, что это было ценно для Церкви. Не говоря уже о том, что это была возможность

соприкоснуться с духовным опытом святых, канонизированных впоследствии, а также их «святых» свидетелей.

— Как вы узнали о протоиерее Константине Голубеве? И что на тот момент о нем было известно?

— К 1990-м годам я уже довольно долго занимался собиранием свидетельств об исповедническом подвиге мучеников, пострадавших в XX столетии, и, в частности, об одном из самых известных тогда в Богородске священнике, протоиерее Константине Голубеве (1852–1918), противораскольническом миссионере и благочинном в Богородском уезде. Радетель общего образования народа и его христианского просвещения, он первый, например, открыл при Богоявленском соборе, где был настоятелем, церковно-приходскую школу для женщин. Он неутомимо вел беседы с раскольниками, в основе чего было не стремление к словопрениям и «победе» над собеседниками, а стремление к их просвещению, основанному на слове Божиим. Для тех мест, где проживало в то время 57 тысяч старообрядцев, эти беседы имели колоссальное значение. О мученической кончине отца Константина стало известно из доклада, зачитанного 20 сентября 1918 года секретарем

Поместного Собора Православной Российской Церкви архимандритом Сергием (Шеиным, † 1922) на заседании Собора; в нем приводилось краткое описание того, как отца Константина похоронили заживо. Вместе с сотрудниками Православного Свято-Тихоновского Богословского института я расспросил пожилых жителей Богородска (в то время Ногинска), подтвердивших факты деятельности священника в их городе и обстоятельства его мученической кончины. В то же время Галина Константиновна, внучка священномученика, дочь его сына-священника Константина Константиновича Голубева, разыскивала сведения о своем деде. Поиски привели ее в Исторический архив города Москвы, где археограф Л. С. Вайнтрауб помог ей разобраться с хранящимися в архиве послужными списками московского духовенства. Он же посоветовал ей обратиться в Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, где она познакомилась с сотрудниками института Ириной Ивановной Ковалевой и Георгием Владимировичем Воронцовым. Она же попросила привлечь к поискам и меня. Обнаружить место захоронения оказалось непросто, люди упоминали лишь самые общие сведения — то, что отец Константин был расстрелян на опушке леса за стадионом, но точного места не знал никто. Однажды, когда Ирина Ивановна и Георгий Владимирович шли мимо стадиона, построенного на месте существовавшего в начале XX столетия велотрека, из крайнего дома вышла женщина и спросила, что они ищут. Это была Антонина Михайловна Матвеева. Казалось, она давно ждала их появления. И когда узнала, что они ищут могилу протоиерея Константина Голубева, то сразу же повела их на место расстрела. Это было 12 октября 1994 года, и к тому времени уже не осталось никаких признаков захоронения. Антонина Михайловна родилась через пять лет после расстрела, но ее мать была свидетельницей казни и последующего почитания мученика, когда на могилу на протяжении многих лет приходили люди, чтобы помолиться, приносили цветы, ставили небольшие иконки. Она видела, как велась борьба с памятью о мученике, когда уничтожали и могильный холмик, и находившиеся на нем предметы религиозного почитания. Антонина Михайловна, приходя на могилу вместе с матерью, как-то

сумела сохранить это место в памяти. Однако люди, жившие в маленьких городках, родившиеся, как и Антонина Михайловна, в начале 1920-х годов, не могли тогда быть уверены, что мрак безбожия в начале 1990-х годов совершенно рассеялся. Необходимо было появление верующих людей, для которых подвиг мученика имел бы значимость, что свидетельствовало бы о том, что церковное общество живо и для него подвиг исповедников важен.

Ирина Ивановна предложила мне поехать вместе с внучкой священномученика на место захоронения, чтобы решить, что делать дальше. Десятого ноября 1995 года мы отправились в Ногинск, и я отслужил на могиле панихиду. Место представляло собой неглубокий карьер с пологими краями, образовавшийся после выборки из него песка для хозяйственных нужд. Эпоха воинствующего безбожия, казалось, стерла все прошлое. Однако, уже имея представление о судьбах мучеников XX столетия и стоя в лесной глуши, я не сомневался, что останки священномученика Константина будут найдены, а его подвиг будет прославлен. В тот момент передо мной была лишь нравственная проблема: могут ли и дальше находиться в небрежении останки пострадавшего мученика почти на обочине проезжей дороги. Ирина Ивановна предложила сходить к протоиерею Василию Извекову, бывшему тогда настоятелем Тихвинского храма, и переговорить с ним. Мы пришли, поговорили, но вопрос об останках священномученика не поднимали.

*Город Богородск.
Фото начала XX в.*

Священник
Константин
Голубев с семьей

Я считал не вполне правильным проявлять инициативу там, где был священник, которого это касалось непосредственно. И когда уже собрался уходить, отец Василий спросил: «А когда же мы обрета́ть будем?» И я назвал приблизительный срок, когда это, как мне казалось, представлялось возможным. Наступали холода, и не имело смысла надолго откладывать перенос останков протоиерея Константина. Поисковая инициатива Галины Константиновны Голубевой, усилия Ирины Ивановны Ковалевой и Георгия Владимировича Воронцова, других людей и тот факт, что так непросто было найти могилу мученика, с предельной ясностью показывают размеры бедствия, совершившегося в церковной, общественной и нравственной жизни в стране. Во всем городе только один человек знал, где находится могила святого, и то лишь потому, что жил рядом с ней. Случилось страшное: и дети, и внуки, и правнуки забыли об очень важном, о своих предках, между тем как некоторые из них были образцом нравственности и героями духа. И если бы сами мученики не вышли навстречу немощным потомкам и не поступались в их двери, то память об их духовной

жизни, церковно-историческом предании не могла бы быть восстановлена.

— *Помните ли вы день обретения мощей священномученика Константина? Расскажите о нем, пожалуйста. Какие люди вас сопровождали? С какими ожиданиями вы ехали к месту захоронения?*

— Мощи священномученика Константина были обретены 20 ноября 1995 года, в это время уже выпал снег и стояли небольшие морозы. Участвовали в обретении, кроме меня, настоятель Тихвинского храма в Ногинске протоиерей Василий Извеков; настоятель Успенской церкви села Богослова Ногинского района иерей Евгений Кузнецов; кандидат исторических наук, доцент МГУ, преподаватель Православного Свято-Тихоновского Богословского института археолог Дмитрий Витальевич Деопик; старший сотрудник Института археологии РАН, кандидат исторических наук археолог Юрий Александрович Смирнов; заместитель проректора по административно-хозяйственной части Православного Свято-Тихоновского Богословского института Валентин Александрович Крючков; научный сотрудник кафедры новейшей истории того же института Ирина Ивановна Ковалева;

участвовавший в поисках свидетелей места захоронения Георгий Владимирович Воронцов и некоторые другие. В одиннадцать часов утра того же дня я отслужил литию по убиенному протоиерею Константину, и мы приступили к работе. Ехал я на место расстрела в полной уверенности, что мощи протоиерея Константина будут обретены. В соответствии с уже имевшимися сведениями об обстоятельствах мученической кончины священника и свидетельствами о его широком почитании в течение по крайней мере двадцати лет после кончины, я предполагал, что мы найдем останки священника в том положении, в котором его оставили мучители и как о том вспоминали жители, когда говорили, что ноги и видневшиеся концы рясы пришлось засыпать землей, потому что они оказались почти на поверхности, а правая рука будет поднята, так как священник закрывал лицо рукавом рясы. Ожидал я и того, что в могиле могут оказаться иконки, которые верующие приносили на могилу, — следы зримого почитания священномученика богородской паствой. Когда стала раскрываться могила мученика, перед нами «ожили» события 1918 года. Публичная казнь. Поднятая рука в рясе, которой священномученик закрывал лицо от падающих на него комьев земли. Раскрывалось церковное пространство, в котором уже нет ужаса физических страданий, где духовное преобладает над телесным. Пространство, в котором нет времени, оно соединено воедино с событиями древности, с гонениями и подвигом древних мучеников. Ты понимаешь, что означают слова Священного Писания, что времени уже не будет (Откр. 10, 6), как нет его и в церковном пространстве. Все земное становится уже не столь существенным и важным, как ощущал это апостол Павел, когда писал: *Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше* (Флп. 1, 23). То, о чем читали в книгах, в житиях святых мучеников, как они, проповедуя о Христе, заботились не столько о земном, сколько о небесном, становилось близким и актуальным, сосредотачивалось в одном мгновении от воскресения Христова до наших дней. Чтобы войти в это церковное пространство, нужна, конечно, вера. Иначе как войти, если не веришь, что оно есть. Церковно переживая страдания мучеников, мощи которых святитель Иоанн

Златоуст по определению считал чудотворными, мы соприкасаемся с иным миром, с вечностью, с Царством Небесным, пусть и несколько отделенным от нас не вполне прозрачным стеклом, как бы сквозь *тусклое стекло, гадательно* (1 Кор. 13, 12). Участвовавший в обретении ученый-археолог Дмитрий Витальевич Деопик во время обретения мощей сказал: «Для меня это честь. Я никогда не думал, что буду участвовать в обретении мощей. Это такие дни, которые бывают в жизни редко. Мне все-таки шестьдесят три года, я понимаю, что такое хорошо и что такое плохо. Я увидел то, что можно было только предполагать, но мне сказали, что и как мы можем в могиле увидеть. И в общих чертах это совпало». Археолог Юрий Александрович Смирнов сказал при обретении мощей священномученика Константина: «Я на своем веку раскопал несколько сотен захоронений и изучил несколько тысяч, поскольку я занимаюсь историей захоронений от момента начала погребальной практики до настоящего времени. И во время раскопок невольно возникал вопрос: "Что же мы делаем и стоит ли наука того, чтобы нарушать покой древних, когда бы они ни были захоронены и во что бы они ни верили". Здесь же случай совершенно иной, гораздо более важный, а главное, спокойный для души. Здесь есть полная уверенность, что занимаешься делом правым и правильным».

— **Каким образом обычно проходит обретение мощей? Что вы обнаружили в могиле? Какой сохранности были мощи священномученика Константина? Сопровождали ли это светлое событие какие-нибудь чудеса?**

— Обретение мощей начинается с молитвы, которая постоянно сопровождает этот волнительный и важный процесс. Затем проводятся раскопки, на которые обычно приглашаются специалисты, так было и в этот раз. После снятия небольшого могильного холмика, неоднократно перемещавшегося по дну карьера в связи с попытками разрушить его и уничтожить следы захоронения, открылись контуры могильной ямы, которая в одной части имела глубину чуть более метра, а в другой — менее метра. Вблизи поверхности земли оказалось несколько целых и несколько разбитых икон на тонких деревянных пластинках с наклеенными на них бумажными изображениями, закрытых

Икона
священномученика
Константина
Богородского

стеклами и обрамленных железными рамками. Одна из икон была «Знамение», другая, разбитая, смальтовая икона «Поцелуй Иуды», чтимая в Богородске. Эти иконы были найдены над главой и над грудью отца Константина. Здесь же находились разбитые стеклянный флакон и горшок, в который верующие ставили живые цветы на могиле мученика. В ногах оказались остатки проволоки от венков, а также сосуд, изготовленный в предвоенное время, свидетельствующий о почитании могилы мученика в 1930-е годы. Правая рука священномученика была поднята над головой, а левая согнута в локте и поднята вверх. В области шеи большой крест на цепочке, сохранились большие костяные пуговицы от рясы, фрагменты рясы и сапоги на ногах. Мощи были в хорошей сохранности, несмотря на то что пролежали без гроба и в неблагоприятных условиях 77 лет. Что касается чудотворений, то

следует сказать, что обретение совершала маленькая группа людей, для которой важно было совершить его благоговейно, и молились скорее о том, чтобы не погрешить перед святым.

— **Как восприняли обретение мощей ваши знакомые, близкие и духовенство Русской Церкви?**

— С огромной радостью, как давно чаемое чудо. Чудо сверхъестественное, но вполне закономерное, внутренне ожидаемое и духовенством, и церковными людьми. Как будто вдруг среди нас оказался великий помощник и за нас перед Богом заступник. Эту радость трудно передать словами. Женщина, по слову Христа, радуется рождению ребенка, тому, что человек пришел в мир, а здесь человек, воскресший для Царства Небесного, снова приходит к нам святыми мощами. Все это было так отраднo и очевидно, что 5–6 марта 1996 года Синодальная комиссия по канонизации святых под председательством митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия (Пояркова), рассмотрев материалы, приняла решение, что не находит препятствий для благословения Святейшим Патриархом почитания протоиерея Константина Голубева в лике святых. Восемнадцатого апреля в Тихвинском храме города Ногинска (Богородска) состоялась торжественная канонизация того, кто своей твердой верой, миссионерским служением, проповедью православия и мученической кончиной явил пример для православных в жертвенном стоянии за истину Христову, как о том говорилось в Деянии о канонизации священномученика. Это была одна из первых канонизаций мученика, сопровождавшаяся обретением его мощей. Для всех это был полный пасхальной радости праздник.

— **Отец Дамаскин, вы являетесь автором жития священномученика Константина. Расскажите, пожалуйста, о его создании, тяжелый ли это труд? Сколько времени и сил вам потребовалось? Что в жизни отца Константина поразило вас более всего?**

— Написание жития подобно реставрации фрески. События уже совершились, где-то фрагменты этих событий были зафиксированы, но свидетельства о них надо искать. Они как бы запечатаны толстым слоем штукатурки и закрашены. Особенно это относится к эпохе безверия, изрядно потрудившейся над созда-

нием впечатления, будто этих событий не было вовсе. Иногда в местах, где штукатурка осыпалась, видны фрагменты бывших несколько десятилетий назад событий. Начинается поиск первоисточников, свидетельств о жизни мученика, которые можно бывает отыскать, лишь просматривая массивы архивных и печатных источников, исследуя труды подвижника, если их удастся найти. Изучается жизнь мученика с начала и до конца так, чтобы ничто не осталось неизученным. Исследуется до тех пор, пока не становятся очевидны не только сами события, но и мотивы поступков мученика. Однако и этого недостаточно, поскольку священномученик жил среди людей, в определенной социальной среде. Поприще, на котором подвизался священномученик Константин Голубев, было одним из труднейших — внутренняя миссия и церковное просвещение людей, вроде как просвещенных, так называемых старообрядцев. Между тем это религиозное явление стало по-настоящему изучаться лишь во второй половине XIX — начале XX столетия. Чтобы понять специфику деятельности священномученика Константина, надо было изучить явление, с которым он столкнулся, мотивы тех людей, которым он говорил о православии. Одни прислушивались к его аргументам, другие отходили и иногда делали это со злобой и даже с жадой

мести. Если говорить кратко, он в своей церковной проповеди о Христе сталкивался с бурей страстей, которая захватывала не только сердца тех людей, которым он непосредственно проповедовал, но и государственных чиновников, и полицейских, которых сребролюбие, соблазн наживы и легкого обогащения, предлагавшегося старообрядцами, толкали если и не на борьбу со Христом, то на создание препятствий для распространения истины. И вся эта волна страстей обрушивалась на миссионера. Только изучив все это, можно понять величие подвига священномученика Константина. Чтобы выявить, что же было на этой «фреске» написано изначально, пришлось внимательно ознакомиться с событиями тех лет. И так приходилось работать до тех пор, пока не возникло убеждение, что за описанием жизни святого стоят твердые, зафиксированные в документальных источниках факты, и пока не получишь одобрения от самого святого, что все изображено и описано в житии верно. В жизни отца Константина особенно поразительно то, что он выбрал уже на первом этапе своего пути очень трудное поприще «внутренней миссии» в селе, где родился и вырос, где проповедовать по определению нелегко, ибо нет пророка в своем отечестве, где такого человека обычно воспринимают через призму уже известных о нем сведений и впечатлений,

На праздничном богослужении в Богоявленском соборе Ногинска. В центре — ковчег с мощами священномученика Константина Богородского

Установление
креста. 1998 г.

за которыми духовный образ почти неразличим. И тем более миссионерствовать среди раскольников, оперирующих в дискуссиях набором идеологических формул. Всякий знает, как тяжело вести диалог с человеком, который руководствуется не Христовыми заповедями, а набором клише и опирается на идейные конструкции, основанные на неправоте других, отталкивается не от желания следовать за Спасителем, а от осуждения идейных противников. Кроме того, миссионерская проповедь среди раскольников таила в себе и некую угрозу, в том числе и угрозу для жизни. Проповедники православия уже тогда знали об этом и все равно самоотверженно трудились, жалея своих соотечественников и собратьев, для чего требовалось немалое мужество. Не так много и было подобных проповедников. Но те, что были, как протоиерей Константин Голубев, удивляют своей жертвенностью и терпением.

— *Как вы думаете, можно ли ожидать в наши дни подобные примеры святости?*

— Святые — это все-таки не товар, который может то исчезать, то появляться на прилавках магазинов. Их явление — процесс богочеловеческий. Бог призывает к себе, человек или не отзывается на этот призыв, или отзывается, стараясь понять, чего от него хочет Господь и как это исполнить. Святые будут до конца человеческой истории, до конца существования этого мира, потому что до конца будет Церковь, но будем ли мы видеть их, будучи сами обуреваемыми

страстями, погруженными в суету этого мира, — это вопрос. Богу святые нужны и близки, и Бог нужен им, но насколько они нужны будут живущим людям — это вопрос открытый. По предвидению апостола Павла, *будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые бы льстили им* (2 Тим. 4, 3).

Воспоминания протоиерея Максима Максимова, настоятеля Казанского храма города Реутова, члена Синодальной комиссии по канонизации святых, об обретении мощей протоиерея Константина Голубева

В ту пору я был личным секретарем митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия (Пояркова). Однажды, после Литургии, совершенной в одном из храмов неподалеку от Ногинска, владыка Ювеналий поехал в Тихвинский храм, я по должности сопровождал его. Целью поездки было увидеть воочию обретенные мощи убиенного в 1918 году священника. Настоятель Тихвинского храма отец Василий Извеков встретил нас и открыл маленький ящик-раку. Владыка Ювеналий внимательно все исследовал, задал ряд вопросов: а это что, а где лежало, а как извлекали из земли? Помню, что эта поездка закончилась решительным его определением, что следует безотлагательно заниматься вопросом канонизации в лице святых Церкви Христовой убиенного за веру протоиерея Константина. Промыслом

Божиим тогда все случилось как бы в обратном порядке: люди сначала обрели святыню, а потом началась процедура канонизации. Сегодня у нас в Церкви отлажен механизм, когда сначала прорабатывается вопрос о возможности канонизации человека, а потом уже в контексте прославления происходит обретение его святых останков. Тогда, в середине 1990-х годов, вышло наоборот. Сложилась уникальная ситуация. Никто не знал за отсутствием опыта и прецедентов, как в таком вопросе поступать в церковно-административной плоскости. Напомню, что в Московской епархии тогда ни один новомученик еще не был прославлен и мощей никаких никто не обретал. Отец Константин не только один из первых новомучеников Русской Церкви, но и первым канонизирован непосредственно от Московской епархии. И опыт работы, который уже тогда начал накапливаться по изучению его подвига и вообще всего, что связано с обретением и идентификацией его святых останков, — все это было новаторским. В дальнейшем во многих епархиях Русской Православной Церкви были созданы епархиальные комиссии по канонизации. По результатам их работы происходит поименное прославление новомучеников Церкви Русской. В начале же этого глобального исторического процесса было именно обретение мощей и канонизация протоиерея Константина Голубева.

Воспоминания протоиерея Василия Извекова, заштатного клирика Балашихинской епархии, бывшего в момент обретения мощей священномученика Константина Богородского настоятелем Тихвинского храма в Ногинске

В то время церковная жизнь на Богородской земле была беспокойной — главный храм Ногинска, Богоявленский собор, захватили раскольники, члены так называемого «киевского патриархата». Бывший настоятель собора, Василий Егорович Старина, до извержения из священного сана в 1997 году бывший архимандритом Адрианом, захватил Богоявленский собор города Ногинска, объявил его храмом раскольнической организации и начал активно сеять смуту среди жителей города и района. Заручившись поддержкой руководителей ряда

предприятий и даже представителей светской власти, некоторые городские СМИ активно распространяли против Русской Православной Церкви ложную информацию. Обстановка была очень напряженная. Работам по обретению мощей раскольники не успели помешать, видимо, не владели информацией. В такой непростой обстановке было принято решение начать обретение незамедлительно.

Мощи были обретены 20 ноября, накануне празднования Собора Архистратига Михаила. Несмотря на то что предстояла очень большая работа по выборке грунта, все было сделано буквально за один день. Никто не хотел оставлять место раскопок на ночь, опасаясь провокаций со стороны врагов Церкви. Все трудились, не жалея себя, и все получилось, с Божией помощью, в один день. Охраняли нас казаки. Д. В. Деопик вел подробное описание всех произведенных работ. Под его руководством сперва обычными лопатами снимали грунт, потом уже работали специальными лопатками и метелками. Пока шла работа, постоянно совершалась молитва, читали и пели акафисты. У отца Дамаскина была небольшая рака (ковчег для хранения мощей). Все обретенные останки мы омыли святой водой и поместили в эту раку. Гроба у отца Константина не было, он был закопан просто в земле. Были также найдены нательный крестик, пули, фрагмент рясы и обувь большого размера. Все эти вещи тоже были положены в раку. Вместе с отцом Константином в той яме были погребены мужчина и женщина, последние, кто в момент его убиения заступились за него и вместе с ним стали жертвами расправы. Их останки также были извлечены и с благоговением омыты. Вечером, когда мощи были доставлены в Тихвинский храм, приехал архиепископ Можайский Григорий (Чирков, † 2018) и совершил последнюю перед канонизацией панихиду по протоиерею Константину Голубеву.

В ту пору обретение мощей священномученика Константина Богородского и прославление его в лике святых стало большим духовным укреплением для всех верующих православных христиан, чад Русской Православной Церкви на Богородской земле.

Беседовал священник Петр ТОРИК